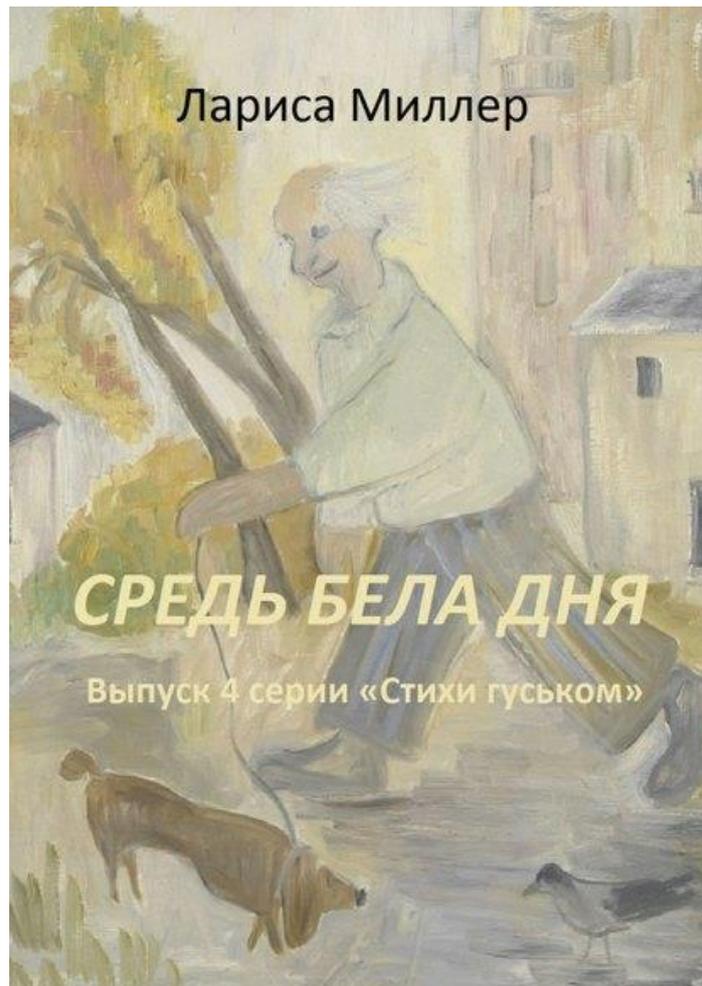

Лариса Миллер

Средь бела дня

Выпуск 4 серии «Стихи гуськом»

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-1
ББК 84-5
М 60

На обложке картина Елены Колат «Старичок, прогуливающий таксу».

Миллер Л.

«Средь бела дня», Выпуск 4 серии «Стихи гуськом».

Четвертый номер авторской серии «Стихи гуськом». Предыдущие выпуски «Ridero»: № 1 «В прямом эфире» - август 2016, № 2 «Два ветра, три дождя» - декабрь 2016, № 3 «Островок безопасности» - май 2017. В данном Выпуске № 4: I. Несколько новых стихотворений: май-июнь 2017 г., II. Стихи января-апреля 2016 г., III. Стихотворения 1970 года и IV. Эссе «Бедная, бедная рифма».

ISBN 978-5-4485-4390-6

НА ЧЕТВЕРТУЮ СТРАНИЦУ ОБЛОЖКИ

*Мне только надо знать, что всё не зря,
Что всё не зря, не тщетно, не напрасно.
Не зря вот эта новая заря,
Вот этот луч, который светит ясно,
Не зря я родилась на белый свет,
Ну а конкретней, что не зря проснулась,
Не зря, на тропах оставляя след,
Прошла сквозь день и в вечность окунулась.*

I. Несколько новых стихов: май-июнь 2017 г.

Сегодня от сердечной полноты
Я с целым мирозданием на «ты».
Ну пусть не с ним, а лишь с его частичкой,
Помеченной залиvistoю птичкой.
Ну пусть всего лишь с областью одной,
Что стала мне за тыщу лет родной.
Ну пусть всего лишь с поредевшим садом,
С которым столько лет живу я рядом.
И, если даже с деревцем одним,
То небеса вселенские над ним.

Мир необъятный не объять,
Но хочется на память взять
Один мотив иль пару строчек,
Иль неба отщипнуть кусочек,
Чтоб в сердце, в памяти, в горсти
Хоть что-нибудь да унести
В день новый, что вовсю пылает
И знать о старом не желает.

Давай не будем убиваться,
Что не умеем пробиваться,
Что не пробилась никуда.
Ну разве что через года,
Чтоб нынче небом упиваться.
Зато пробилась не одни,
А с теми, чем богаты дни
Июньские: с густой сиренью,
Дождём обрызганной, и с тенью,
Что свету зыбкому сродни.

Опять здесь что-то попирают,
Опять надежды умирают,
Опять спешат здесь наказать
Того, кто тщится доказать,
Что, как во всем подлунном мире,
Здесь тоже дважды два – четыре.
«Нет пять, - орут, - нет пять, нет пять,
Он враг, пора его унять.
Он оскорбляет наши чувства.
У нас свой счёт, своё искусство,
Своя морковка, свой укроп.
Прочь, ненавистный русофоб».

А лучшие из лучших полегли.
Причём не сами. Им здесь помогли.
Им в сих краях охотно помогают.
Здесь лучших ни за что не проморгают.
На лучших у России острый нюх,
Не переносит Родина на дух
Особо одарённых, окрылённых,
Неведомо за что в неё влюблённых,
И, не желая с ними вместе жить,
Торопится на месте уложить.

Я говорила, говорила,
А тишина всё нарастала.
Тропу торила и торила -
Она всё гуще зарастала.
Дарило лето море шёлка -
Я от восторга обмирала,
И шёлк в дырявую кошёлку,
Как оказалось, убирала.
Ну что ты скажешь мне на это,
Мой собеседник безымянный?
Летает пух, и снова лето
Своей одаривает манной.

Человек, в основном, состоит из воды,
А ещё из тревоги, заботы, беды,
Из беды и тревоги. И только отчасти
Состоит человек из веселья и счастья.
Потому-то бедняга с рожденья влеком
В те края, где дано состоять целиком
Из любви и веселья, и счастья, и света,
Из которых Создателем соткано лето.

Коль Бог и есть, то Он не в Храме.
Он нынче в белоснежной раме
Глядящего на мир окна.
Я нынче с Ним, а не одна
Гляжу в окно на май цветущий,
На небосвод, весне присущий,
И вижу, как Господь пленён
Тем днём, что Им же удлинён.

Спроси, зачем мне столько книг,
Зачем мне множество тетрадок,
Скажу – затем, что тьму загадок
Мне задают здесь каждый миг.
А, впрочем, миг и сам хорош:
То он как свет небесный льётся,
То он кусается, дерётся
И ранит, повергая в дрожь.
А тупики? А тупики?
Откуда тупики на свете,
Когда шальной и свежий ветер
То с поля дует, то с реки?

О Господи, зачем ты нас завёл?
Ну для какой такой высокой цели?
Ты видишь, сколько с нами канители?
Твой мир без нас куда бы краше цвёл.
Ну кто ещё Тебя так "достаёт",
И тербит Тебя и окликает?
Кошачье племя, знай себе, лакает,
А птичье племя, знай себе, клюёт,
А тучи в небе, знай себе, плывут,
А дождик летний, знай себе, лепечет.
А люди мир Твой, знай себе, калечат,
Потом Тебя спасать его зовут.

Трава сквозь грунт с трудом пробилась.
Ну и чего она добилась?
Ну пожила она в саду,
Ну поторчала на виду,
Решив, что пребывает в силе.
А тут её как раз скосили.

Мне только надо знать, что всё не зря,
Что всё не зря, не тщетно, не напрасно.
Не зря вот эта новая заря,
Вот этот луч, который светит ясно,
Не зря я родилась на белый свет,
Ну а конкретней, что не зря проснулась,
Не зря, на тропах оставляя след,
Прошла сквозь день и в вечность окунулась.

II. Январь - апрель 2016 г.

Жизнь подчеркну одной чертой,
Глагол "течёт" двумя чертами,
Ну а потом займусь годами
И отделию их запятой.
А выйдя утречком во двор,
Увидя снег, словцо "пушистый"
Я подчеркну чертой волнистой,
Простейший совершив разбор
Диктанта, текста, бытия,
В котором всё непостижимо,
Где тщусь легко и без нажима
Свои пометки сделать я.

И для чего спешить вперед,
Коль время нас и так берёт
С собой и, сунув нас подмышку,
Как свёрток, зонтик или книжку,
Летит вперед, хоть мы назад
Хотим, где мстился райский сад,
Или хотим шагать на месте,
Или хотим с землёю вместе
Ходить кругами. Иль хотим...
Да что там... Мы вперед летим,
Летим вперед, назад ни шагу.
И, если даже я прилягу,
Подставив личико лучу,
Я всё равно вперед лечу,
И, если целый день не встану,
Лететь вперед не перестану.

А коль со мной дурное приключится,
Мой добрый ангел, знаю, огорчится.
А мне его так жалко огорчать,
Поэтому стараюсь я встречать
Любое утро радостной улыбкой.
Пусть даже эта радость будет зыбкой,
Пусть даже утро не светлей, чем ночь,
Я постараюсь ангелу помочь.
Ведь он не может без моей подмоги
Помочь мне одолеть мои дороги.
Он только может распротать крыла
Свои, куда бы я не забрела.
Он только может над земными нами
В тревоге и тоске махать крылами.

О Господи, в одни-то руки
Так много счастья, столько муки,
Невзгод и хворей отпускать!
Да как же можно допускать,
Чтоб столько радостей и тягот,
Плодов горчайших, сладких ягод,
Чтоб добрые и злые дни -
Всё в руки отпускать одни?
И как рукам не опуститься,
Коль всё в них хочет уместиться?

Не надо ставить под сомненье,
Что нам даровано мгновенье
И не одно, а тьма и тьма,
Что будут лето и зима
Чередоваться, повторяться,
И будет утром озаряться
Земля и улица, и дом,
И я в том свете золотом,
В лучах, что утром с неба льются,
Поставлю чашечку на блюде,
Чтоб по утрам свой кофе пить
И дальше эту жизнь любить.

Уж столько я слов написала в тетради,
А всё умоляю подать Христа ради,
Словечко подать и тем самым спасти
Того, кто не в силах молчанье снести,
Того, кто, едва лишь заря заиграет,
От счастья, на небо взглянув, обмирает,
И, если словечко ему не подать,
Он может концы в самом деле отдать.

А ночь для меня есть предчувствие света,
Зима для меня есть предчувствие лета,
Предчувствие музыки есть в тишине,
А блики, что утром ползут по стене,
Есть лишь доказательство и подтвержденье,
Что в каждом конце есть любви зарожденье.

Я всё подбираю, что плохо лежит.
Вот слово - никто его не сторожит.
Ну как не схватить его, не заарканить,
Не взять, не присвоить и не прикарманить?
Ну как его можно к рукам не прибрать,
Не взять, не значить и не заиграть?
Оно же лежало, с тоски умирало.
Нашла ему рифму, оно заиграло.

Да мне ведь и в голову не приходило,
Что я лишь на время сюда угодила,
Сюда угодила всего лишь на срок,
И скоро мне скажут: "Вот бог, вот порог".
Да я и сегодня не очень-то верю,
Что мир согласится на эту потерю,
Что мир мной обжитый, привычный, земной
И впрямь согласится расстаться со мной.

А коль в снегопад со снежком не смешаться,
То чем же нам, бедным, тогда утешаться?
Коль в ветреный день по воздушным волнам
Не плавать, то чем же утешиться нам,
Коль жить, не балдея от музыки вешней,
То что может быть этой жизни кромешней?
Коль вовсе не видеть небесной каймы,
То кто может быть безутешней, чем мы?

Я в день текущий влюблена -
В тот день, которым продлена
Моя судьба, продлён мой век.
Я влюблена в хрустящий снег
И в птичий крестик на снегу.
Лишь день завидела, бегу
В его объятия чуть свет,
Летучий оставляя след.

Что делать плакать или смеяться?
А может, просто с места сняться,
Сменив картинку и канву?
Неужто же без декораций
Привычных я не проживу?
Неужто свет сошёлся клином
На той земле, где сад с жасмином,
Где в час рассветный луг в росе,
Но где, каким бы ни был длинным
Сюжет, грустят буквально все,
Готовясь навсегда проститься,
С тем миром, где светло грустится.

И защечечет снова май...
Как хочешь, так и понимай
Земную колготню всю эту,
И есть в ней смысл или нету
Пустой вопрос не поднимай.
Сними его с повестки дня.
Коль дарит эта колготня
Порой в неведомое дверцу,
Прими как можно ближе к сердцу
Разгул небесного огня.

Я давно ничего своего не играю.
Я мотив, что понравился мне, подбираю.
Подбираю мотивчик, пленивший меня.
В нём так много печали и столько огня.
Я сперва услышала его на рассвете.
Его пел за окном неприкаянный ветер.
А потом, но в другом совершенно ключе,
Его пели пылинки, танцуя в луче.
А потом его пела листва золотая,
То дрожа на ветру, то по ветру летая.
Его пели влюблённые, счастьем дыша,
У реки, где акустика так хороша.

А я люблю одну планету,
Которой и на карте нету.
Её зовут "родная речь".
Где, если что и может течь,
То шесть проточных чистых гласных,
Счастливых и на всё согласных.

Нет, музыка вечна. Не вечны певцы.
Певцы отдают, к сожаленью, концы.
И тот, кем написана вечная fuga,
С земного сошёл, к сожалению, круга.
И тот, кто волшебю её исполнял,
Он тоже, - простите за грубость, - слинял.
Ушли тромбонисты, ударники - в нетях,
А музыка... Что ей до смертников этих?

Я качаюсь на чём-то. На чём - неизвестно
Между "всё надоело" и "жить интересно",
Между "жду - не дождусь" и "не жду ничего",
Между "вот оно счастье" и "нету его",
Между "только б заря поскорее настала"
И отчаянным выдохом: "Хватит. Устала".

Нет, день не должен пустовать,
И надо утречком вставать
И заполнять его пространство,
И улучшать его убранство,
И не давать ему грустить,
И даже чуточку польстить,
Внушив ему, что, тих иль вьюжен,
Он дорог нам и очень нужен.

О как прекрасна неизвестность!
И даже хоженная местность,
Давно знакомая, - и та
Способна так менять цвета,
Способна так менять повадки
И так загадывать загадки,
Что и нельзя предположить,
Как завтра утром будем жить,
Куда нас приведёт дорожка,
Что нынче видим из окошка.

И небо может быть чужим,
Чужим и чуждым,
Глухим к деяниям моим
И к разным нуждам.
И утро может сквозняком
Влететь недобрым,
И неприятным холодком
Пройтись по рёбрам.
Да и земля, что уйму дней
Нас тупо носит,
Меня, уютно ль мне на ней,
Увы, не спросит.
И веря, что в моём дому
Меня заждались,
Боюсь услышать: "Вы к кому?
Вы обознались".
И, если вышло всё не так,
Как опасалась,
И нынче небо мне не враг,
И прикасалась
Ко мне заря столь светозарной
Нежной дланью,
То я безумно благодарна
Мирозданью.

Родные мои - те, что на небесах, -
Меня охраняя, стоят на часах,
Меня охраняя и оберегая,
Мне выжить на этой земле помогая,
Заботой своей облегчая мне дни.
Не знаю, как делают это они,
Не ведаю, как это им удаётся,
Но чувствую я, что мне легче идётся,
Поскольку протянута издалека,
Откуда-то свыше родная рука.

Ну что опять не слава богу?
Ну что тебе опять не так?
- Как что? Вот развезло дорогу,
С трудом даётся каждый шаг,
Вот среди ночи разбудили -
Проснулась ночью от гудка,
Дожди вот снова зарядили,
Вот жизнь так жутко коротка.

А можно мне сегодня поскулить,
В тебя уткнуться и слезу пролить,
Тебе поведать горести и бедки?
Хотя и нету у тебя жилетки,
Но есть зато огромная душа,
Которой можно тихо, не спеша,
Всё рассказать. А можно, что чудесно,
Пожаловаться вовсе бессловесно.

Мне день весь день даёт понять,
Что я должна его принять
И приголубить, и приветить,
И на любовь его ответить.
И разве можно не любить
Того, кто свет умеет лить,
И чья тропа так дивно вьётся,
И кто уйдёт и не вернётся?

В тоску никак нельзя впадать.
У нас ну просто нету времени
На то, чтоб плакать в зимней темени,
Ведь мы же ищем благодать,
Чей слабый отблеск или след
Морочит нас с утра до вечера.
И, значит, всем нам обеспечена
Работа до скончанья лет.

Ох, я так густо наследила
На свежавыпавшем снегу.
Синичка, что за мной следила,
Пропев: "Я тоже так могу",
Слетела вниз, поставив крестик
Неподалёку от меня.
Ну вот и все, пожалуй, вести
Едва начавшегося дня.

Покуда мы живём под облаками,
Существенное путать с пустяками
Есть наша привилегия и наш
Ответ на жизни всяческую блажь.
И запятую путать с мёртвой точкой,
И тяжкие вериги с той сорочкой,
В которой родились, чтоб все лета
Земные путать звуки и цвета.

Итак, я приняла решение:
Учиться надо воскрешенью,
Чтоб не бояться угасать,
Как луч, что может воскресать,
Как утро, что всегда уходит
И снова путь сюда находит,
Как блик небесный, как весна.
И зря лежала я без сна
Всю ночь, тоскуя, что так скуден
Запас мгновений. Лучше будем
У тех лучей уроки брать,
Что вновь пришли сюда играть.

О тихой гибели иллюзий
Пишу я в творческом союзе
С соседним клёном золотым,
Чей блеск рассеялся, как дым,
Кто обнищал и оголился,
Чей поздний лист под ветром бился,
Чтоб кончить так же, как и те,
Что, покружившись в пустоте,
Легли мне под ноги. И с ними
Живу я мыслями одними,
И даже, если повезёт,
Смогу продолжить их полёт,
Их танец под небес покровом,
Сказав о них летучим словом.

Коль время бежит непременно вперёд,
То пусть меня тоже с собою берёт.
Хоть я небольшая поклонница бега,
Зато я поклонница свежего снега
И свежего ветра, и свежих вестей,
И скатерти свежей для званых гостей,
И свежих следов возле самой терраски,
И ранних небес после свежей покраски.

Запоминаю не обиды,
А только сказочные виды,
А только добрые слова,
И то, как росная трава
Погожим летним днём блестела,
И то, как синева густела.

Надеюсь, что весна настанет
И на земле меня застанет,
Меня застанет на земле,
Дав новый шанс пожить в тепле
И вешним светом насладиться,
И даже заново родиться.

Ну вот и вылетела птичка -
Земного таинства отмычка.
И зря ты голову ломал
И ничего не понимал.
Да надо было просто верить
Тому, кто приказал нам вперить
Взгляд неподвижный в объектив,
Все трепыханья прекратив.
А мы вертелись и крутились,
За что серьёзно поплатились,
Считая много-много лет,
Что никакой там птички нет.
И после стольких лет безверья -
Вдруг чудо-трель, цветные перья.

Ты не спеши, ты погоди,
Ты ухо приложи к груди
Мгновенья хрупкого и слушай,
Как дышит то звончей, то глуше
Оно, и душу отведи,
Следя неспешно, как оно,
С летящим снегом заодно,
Свою переживая бренность,
Свою тщету, свою мгновенность,
На снежное ложится дно.

Я сделана так, что мне много не надо,
Чтоб слышать дыхание близкого ада.
Я сделана так, что и кромки небес
Мне хватит, чтоб верить в возможность чудес.
Меня мама с папой так дивно скроили
И так на заре моих дней окрылили,
Что, поводов хоть и хватает для слёз,
Я верить в звезду продолжаю всерьёз.

"Мир ловил меня, но не поймал".

Григорий Сковорода.

Да кто б ты ни был - август, май,
Сырой апрель, - прошу, поймай,
Поймай меня в густые сети.
Даруя шанс пожить на свете,
В тугих сетях своих сжимай.
Хоть теснота твоих тенёт
Отнюдь не сахар и не мёд,
Они для смертных - чудо, диво,
Мечта. Ведь им альтернатива -
Сиротский в пустоту полёт.

Не сомневаюсь - будущее будет.
Его, уж это точно, не убудет,
Коль мы поговорим о нём сейчас.
Ведь, может статься, в нём не будет нас,
Хотя поверить просто невозможно,
Что будет так же робко, осторожно,
Как и сегодня, утро наступать
И в воздухе струящемся купать,
В лучах своих купать и тех, и этих.
А мы с тобой, мой милый, будем в нетях.
А мы с тобой... Ну вот тебе и раз:
Хочу про "завтра" - говорю про нас.

Ты кто - судьба неумолимая
Иль купина неопалимая?
И верить надобно чему? -
Тому, что смертны, иль тому,
Что мы горим, горим и светимся
И что, расставшись, снова встретимся?

1.

Весной почему-то особенно ясно,
Что жизнь без меня обойдётся прекрасно,
Легко обойдётся без этих, без тех,
И нет никаких несмываемых вех,
И новенькой трелью, капелью, речами
Всё весело смывается, точно ручьями.

2.

Весна придёт и станет хлопотать,
И заведёт опять свои порядки,
И фирменный свой воздух горько-сладкий
Подарит. А чтоб было, где витать,
Куда сбежать, сказав земле "пока",
Летучие скроит нам облака.

"Не скажешь, руку протянув: стена".

Вл. Набоков

Не скажешь, руку протянув: стена,
А скажешь: "Боже, изгородь живая,
Текучая завеса дождевая,
Рассветного тумана пелена,
И, Боже мой, жасмин живой стеной
Расцветки небывалой, неземной".

Не надо в прошлом увязать,
А надо взять его с собою
И небо ярко-голубое ему сегодня показать;
И надо взять с собой снежок,
Тот, устаревший, прошлогодний,
Чтоб сделать вместе с ним сегодня
По снегу свежему шажок;
И взять с собою страсти те,
Что перестали быть страстями.
Пускай побудут здесь гостями
И повздыхают о тщете.

О Боже, сколько вариантов!
Да их не меньше, чем брильянтов
На чистых звёздных небесах.
Сей мир всегда стоит в лесах,
Являясь раем для талантов,
Для жаждущих творить его,
Для ищущих невесть чего,
Для беспокойных и пытливых,
То бишь, для истинно счастливых,
Хмельных от счастья своего.

А вот бы наша жизнь была
Сплошным концертом по заявкам -
Гуляли б мы по нежной травке,
И день бы не сгорал до тла,
Любовь царили б да совет,
Мираж бы с трезвой явью спелся,
И сроду б никуда не делся
Тот, кто пришёл на белый свет.

А коль на свете есть кому летать,
То, значит, есть кому похлопотать,
Кому похлопотать о нас с тобой
Пред горделивой высью голубой.
Вон сколько всюду лёгоньких синиц
И снежных хлопьев, падающих ниц, -
Короче, тех, кто, побывав в верхах,
Осведомлён о песнях и стихах
И может так устроить, чтоб у нас
Не иссякал веки их запас.

Послушай моего совета -
Дождись, пожалуйста, рассвета,
Дождись, пожалуйста, зари,
А уж потом и говори,
Что всё бессмысленно и пусто.
А вдруг, когда на небо густо
Сплошная ляжет синева,
Тебе на ум придут слова
Совсем не эти, а иные -
Слова про краски неземные.

Хоть спешить не хочу, но люблю, забегая вперёд,
Неизвестно куда и зачем совершить перелёт.
Череду всех событий намеченных опередив,
Очутиться в краю столь влекущих меня перспектив.
Даже странно, что в край, где туман и клубящийся дым,
Поспешаю я так, будто знаю - он станет моим
Откровением, чудом, и там я на то набреду,
Что написано кем-то восторженным мне на роду.

Вы идите, идите, не ждите меня.
Я хочу рассмотреть краски этого дня.
Я потрогать хочу эти снежные нити.
Вы не ждите меня, вы идите, идите.
Этот день - посмотрите, как рад он тому,
Что внимание я уделяю ему,
Что ценю голубую его оторочку.
Он ведь скоро уйдёт умирать в одиночку.

Лафа нам дочкам и сыночкам:
У нас и шкафчик был с грибочком,
Была и бабочка в сачке,
И липкий пряник в кулачке,
И звонкий летний рукомошник,
И сказка, где точил разбойник
Свой необъятный страшный нож...
Ты нас, пожалуйста, не трожь,
Не трожь ты нас, судьба-злодейка,
Веди себя, как чародейка,
Как ты вела себя тогда,
В мои невзрослые года,
Вернее, в год послевоенный,
Когда был двор с сиренью пенной,
Когда лет семьдесят назад
Был подмосковный детский сад,
Где был с грибом весёлый шкафчик,
Где был фонариком рукавичка
У платья, что давали нам,
Когда мы ждали наших мам;
Где в день родительский особый
Хлеб заменяли сладкой сдобой,
Давали два крутых яйца,
И счастьем не было конца.

Ах, дожить бы до дней акварельно лазурных
И до птичьих неистовых песен амурных,
До рассеянных лёгких ажурных теней.
Коль удастся дожить до означенных дней,
То тогда... Что тогда - мне самой непонятно.
Что-то жизнь подсказала, но как-то невнятно.
Что-то муза пытается мне подсказать,
Но она и двух слов не способна связать.

Специалист я очень узкий -
Преподаю язык нерусский.
Английский я преподаю,
Причём в своём родном краю.
А с русским я так дивно спелась,
Что, коль поплакать захотелось
Иль захотелось полетать,
Иль рано начало светать,
Иль в небе проплыла овечка,
Пишу я русское словечко
И русским языком прошу
Мне не мешать, когда пишу.

О как я радуюсь рассвету,
Которому и дела нету,
И дела нету до того,
Как сильно я люблю его.
И птице, что вблизи летела,
Ей тоже никакого дела,
Нет никакого дела ей
До бурной радости моей.
Пространству, времени - им тоже
Нет дела до меня, похоже.
А коли так, то, может быть,
О сроках можно позабыть
И жить, не ведая предела,
И вечно делать, что хотела -
Писать стихи о красках дня,
Которому не до меня.

Как это маленькое "я" меня достало!
Оно, как к попе банный лист, ко мне пристало
И тербит меня и в ухо мне гундосит,
Вниманья требует к себе и не выносит,
Когда о нём хоть на секунду забываю,
Когда свободной от проблем его бываю
И, коль на жалобу его не дам ответа,
Оно шипит: "Да я сживу тебя со света".

Всё, как всегда, не навсегда.
Не навсегда и то, и это,
Не навсегда зима и лето,
Любовь и счастье, и беда.

Всё, как всегда, не навсегда.
Лишь навсегда, навек, навеки
Во тьму уходят человеки
И пропадают без следа.

От неуютa так знобит...
А жизнь - она дробит, дробит
На дни и миги бесконечность,
При этом что-то там про вечность
Нам смертным, маленьким долбит.
А где-то на границе сна
И яви дерзкая весна
Пришла, прорвав кусочек шёлка
Небесного, сверкнула щёлка,
И жизнь уж больше не тесна.

Всё пялюсь, всё ищу лазейку.
Прости, о Боже, ротозейку,
Прости, что тайный лаз ищу
Из мира, где давно гощу,
В края, где прежде не бывала.
Надеюсь, я не прозевала,
Не проскочила тот просвет,
Тот лаз в цепочке дней и лет,
Который в край уводит некий,
Где вековечны человеки,
И где навеки им дано
Блаженство райское одно.

О сколько всякой нежной чепухи!
О сколько упоительного вздора!
И это лишь начало разговора -
Не музыка ещё и не стихи,
А лишь начало утренних речей
И ритуальных предрассветных танцев
В волшебном исполнении посланцев -
Посланцев неба: крылышек, лучей.

О радости.

Ну куда же ты, радость моя?
Ты с чего это вдруг заспешила?
Неужели покинуть решила
Ты меня, чтоб другие края
И другие дома навестить,
И другие обрадовать души?
Не спеши, моя радость, послушай,
Оставайся ещё погостить.
И, пожалуйста, мне объясни,
Чем же я тебе не угодила?
Может, медленно слишком ходила?
Может, видела грустные сны?
Или ты за другие грехи
Покидаешь меня? Или, может, -
Правда, тут уж никто не поможет -
Ты мои разлюбила стихи?

*Посвящается книге Людмилы Улицкой
"Лестница Якова".*

1.

Ну, слава Богу, не перевелись,
На свете ещё водятся живые,
Имеющие точки болевые
И взоры, устремляющие ввысь.
Ну, слава Богу, есть ещё кому
Прочесть строку о жизни, что подвижна,
Изменчива, капризна, непостижна
И дорога и сердцу, и уму.

2.

И всё как прежде, как всегда,
Всё как обычно, всё как прежде -
Живут в отчаянной надежде
Все угодившие сюда.
Живут, надеясь на исход,
Итог, финал благоприятный,
И горькой жизни пряник мятный
Опять младенец тянет в рот.

А вот поди ж ты, вот поди -
Тебе твердят, что впереди
Осталось очень-очень мало,
А ты в ответ - про дня начало,
Про восхитительный рассвет.
Тебе, - что будущего нет,
Что ты стоишь на самой кромке,
А ты - про то, что голос ломкий
У марта, точно у юнца,
Что скоро полетит пыльца...

Я опять забегаю вперёд.
Почему? Кто меня разберёт?
Почему я вперёд забегаю
И невольно ветрам помогаю
Поскорее спровадить меня
За пределы текущего дня,
За земные пределы, границы?
Что мне, Господи, здесь не сидится?
Ну чего не хватает мне здесь,
Где такая гремучая смесь,
Где такое сегодня в наличке,
Что достаточно маленькой спички,
Чтобы всё, что огня заждалось,
Расцвело, вдохновилось, зажглось?

Всё знает старая земля -
И торный путь, и бездорожье.
Но не смущайся, чадо Божье,
Играй. Тебе ведь дали "ля".
А, коли дали, то вперёд:
Своей любовью всё наполни,
Своё смятение исполни,
Твоя тоска пускай поёт.

Давно ведь, наверно, могло надоесть
Утрами вставать, что-то пить, что-то есть
И делать привычные телодвиженья,
Что нами затвержены чуть не с рожденья.
Давно ведь, наверно, наскучить могли
Те виды, что рядом, и те, что вдали.
Ну что, в самом деле мы здесь не видали?
Но - странное дело - скучать нам не дали,
Шепнув, что однажды проникнем туда,
Где скажут нам то про земные года,
Про всё, чем живём или жили на свете,
Что прежде держалось в строжайшем секрете.

Стоят волшебные денёчки,
А я застряла в нижней точке.
Качели встали, не летят,
Наверх взметнуться не хотят.
Им надоела амплитуда
Движения туда-оттуда,
Оттуда и опять туда,
Где ослепительное "Да!"
Сей мир восторженно приемлет
И голосам счастливым внемлет,
И даже подпевает им
Нежнейшим голосом своим.

Да как же так? Такой опасный мир,
А нас никто, никто не охраняет
И, более того, легко роняет
В одну из беспросветно чёрных дыр.
А кто роняет? Да всё он - никто.
Я лишь "никто" могу призвать к ответу
За то, что никакой защиты нету,
Хотя творится явное не то,
И люки не задраены нигде,
А это значит - снова быть беде.

Мы не одни, мы не одни:
Влетели птицы в наши дни,
И свежий ветер к нам вломился,
И луч сюда же устремился,
И не спеша издалека
Сюда приплыли облака,
И, заалев, заря ликует,
И, если день не паникует,
И не боится наступать,
То, значит, можно приступить
К делам. И я берусь за дело:
Пишу, что утро пролетело,
А жизнь, где лёгок птиц петит, -
Она пока ещё летит.

Он её разлюбил? Не беда.
Ведь с любви, точно с гуся вода.
Ведь любовь, не заметив потери,
Тут же торкнется в новые двери,
Поспешит по другим адресам,
Чтобы, внемля другим голосам,
Улыбаться цела, невредима,
Независима, непобедима.

Занимается нежный рассвет.
Вы прислушайтесь. Слышите? Нежный.
Должен выдаться день безмятежный.
Лучшей рифмы, по-моему, нет
Для кануна непрочной весны,
Для едва зародившейся яви,
Для зари, когда мы ещё вправе
Спать и видеть летучие сны.

Я не рву с моим прошлым, я с прошлым не рву.
Временами я в прошлом прекрасно живу,
Все его закоулки, дворы навещая
И фонариком памяти их освещая.
Я совсем не из тех, кто, шагая вперёд,
Ничего из бывшего с собой не берёт,
Кто следит за одной злободневностью только.
Да у них же не доля, а малая долька,
Только малая долька, лишь долька от
Драгоценных, немереных Божьих щедрот.

А я тогда жила в раю,
В раю своём Замоскворецком,
Послевоенном, нищем, детском,
Простом, как "баюшки-баю",
Как двор, как дом, как три звонка,
Что были сказочным паролем
При входе в рай. Давай отмолим
Тот рай. Он есть наверняка,
Хоть не найти туда тропы,
Хотя исчезли окна, крыши,
В нём обитающие мыши,
В него влюблённые клопы.

Какая радостная весть:
Вот я опять на свете есть.
Да и заря не побоялась -
Пришла, и встреча состоялась.
"Ну как мы время проведём? -
Спросила я, - Куда пойдём?"
"Давай сперва отметим встречу,
А после я тебе отвечу -
Заря сказала, - Пей до дна".
И вместо терпкого вина
Вдруг подала мне прямо в койку
Свою целебную настойку
Из ветра вешнего, лучей
И птичьих льющих речей.

Осталось только сбросить вес,
Чтобы за краешек небес,
За край небесный ухватиться
И, оказавшись там, где птица,
Висеть и ножками болтать,
И продолжать душой летать,
В лазури временами тая,
И всё-таки не улетаю
Далёко от земных дорог,
Когда земной мой выйдет срок.

А жизнь - она и "да" и "нет",
И день и ночь, и тьма, и свет,
Она и радость излучает,
Она и смерть в себя включает.

А я весну такую ясную
Тяну, тяну, как букву гласную,
Как букву "а", как букву "о".
Жизнь хороша без всяких "но".
Она и вешняя, и волглая,
Одно лишь плохо - что недолгая.

И, сколько книгу ни читай,
Она свежа и не затрёпана.
И тропка, что давно утоптана,
Она не хожена, считай.
Сюжет, обыгранный сто раз,
Он снова свеж, как утро алое,
И вновь, как нечто небывалое,
Готов томить и мучить нас.

Ну да, конечно, жить не весело,
Но радость снова перевесила,
Хотя причин-то никаких.
Но, если начинаю стих
Я с жалобы на долю тяжкую,
Его кончаю вместе с пташкой,
Что и сама во всю живёт
И с нею вместе жить зовёт.
Пусть не меня - друзей по пёрышку:
Зарянку, зяблика иль скворушку.

И снова лёгкие, узорные
Кочуют тени беспризорные,
Ничейные, под птичий гам,
Кочуют тени тут и там.
Гляжу на них не то с обидою,
Не то с восторгом и завидую
Тому, что ранить их нельзя,
Тому, что можно жить, скользя,
Легко меняя окружение
И вид, и местоположение.

А небеса меня едят,
Они едят меня глазами
И, видимо, не знают сами,
Зачем они за мной следят.
А всё, наверно, потому,
Что не даю я им проходу:
То про звезду слагаю оду,
То про небесную кайму.

А чтобы жизнь была легка,
Следи за ней издалека,
Следи за ней лучистым взглядом,
Как небеса, что, хоть и рядом,
И нас касаются лучом,
Всё ж не замешаны ни в чём.

Вот разгалделось вороньё,
Во мгле ширяя предрассветной.
О чём галдёж их несусветный?
Неужто тоже про неё -
Про жизнь? Но только не общо,
Как у меня, а про детали:
Мол, им чего-то недодали,
Чего-то хочется ещё.
А, впрочем, ведь и я о том
Пою, хватая воздух ртом.

И снова ангел мой на дудочке
Сыграл и подал мне на блюдечке,
На блюде с голубой каёмочкой
Мой новый день с небесной кромочкой:
Мол, положи в него, что нравится.
А я стою, боюсь не справиться,
Гляжу на блюдечко растерянно.
Желаний вроде бы немеряно.
Но день с вкраплением небесного
Чего-то требует чудесного -
Узора, кружева ль с мережкой...
Стою в лучах его и мешкаю.

Хотя я потихоньку таю,
Но всё равно во сне летаю,
Во сне летаю всё равно,
Хоть не младенец я давно.
Хоть тают все мои зачатки,
Всё ж эти строки - не заплачки.
Я время таянья люблю
И, если в чём тоску топлю,
То в ручейках и водах талых.
Я не из племени усталых,
На мир обиженных вконец.
Со мной рифмуются юнец,
Малец, птенец, скворец, чьи трели
Так оглушительны в апреле.

Когда листа пером касаюсь,
Я не стихи пишу - спасаюсь
От всех затрецин и тычков,
И страшноватых сквознячков,
И тупиков, и бездорожья,
И мир опять Творенье Божье,
С которым в счастье и в ладу
Живу у неба на виду.

Я за слова не отвечаю,
Я просто в них души не чаю.
Они настолько хороши,
Что я не чаю в них души.
И как они ко мне попали?
Наверное, с небес упали:
Господь молчание хранил
И вдруг словечко обронил.
А я как раз под ним бродила,
Оно ко мне и угодило,
Легко в стихи мои легло,
И вмиг от сердца отлегло.

Нет, эта жизнь - не для меня.
И если что-то получилось,
То потому, что я училась
Наукам всем у бела дня:
У птиц его училась петь,
А у небес его - лучиться,
Хоть было нелегко учиться,
Ведь может даже день темнеть,
Совсем, как ночь, темнеть лицом,
Грозя несчастьем и концом.

Как входит новый день во власть?
Сперва торжественная часть:
Небес рассветных полыханье
И ветра свежее дыханье.
Потом концерт. Концерт такой:
Течёт мелодия рекой -
Скворец начнёт, щегол подхватит,
И музыки до ночи хватит.

А я, начав за упокой,
Опять за здоровье кончаю,
Поскольку я души не чаю
В лазури, что течёт рекой.
И свой про бренность разговор
Бросаю вновь на полуслове,
Держа две строчки наготове
Про вешний свет и птичий хор.

Коль небо твоё всё ещё не с овчинку,
То день начинай, ожидая начинку
Такую, которая тает во рту,
Тем паче, что скоро всё будет в цвету,
И сад будет розовый, белый, зелёный.
Начни новый день, точно тортик слоёный,
Не ешь его жадно, а лишь поднеси
К губам осторожно, потом надкуси.

А я проснулась и лежу,
В окошко светлое гляжу.
Гляжу - а там летает снова
Меня заждавшееся слово.
О чём оно? Бог весть, бог весть.
На светлом фоне не прочесть,
Поскольку и оно из света,
Как утро сказочное это.

Да ты преступник, ты преступник,
Рецидивист, вероотступник.
Тебе весенний дарят сад,
А ты проснулся и не рад,
Тебе вручают город целый
И день нетронутый и белый,
И луч сияющий, а ты,
Найдя кусочек темноты
В своей душе, в неё зарылся.
Луч постоял в окне и скрылся,
И сквознячок, что так хотел
Тебя поздравить, улетел.

Мне воробей дорожку перешёл,
А после дрозд перелетел дорожку,
А после грач склевал сухую крошку,
Которую у ног моих нашёл.
Как хорошо среди друзей бродить,
Среди друзей крылатых и пернатых,
Беззлых и ни в чём не виноватых,
Готовых звонких птенчиков плодить.

Только этого мне не хватало -
Чтобы стало тепло и летало
Всё, чему в холода не с руки
Это делать: стрекозы, жуки,
Чудо-бабочки, птицы, стрекозы -
Все, кому не по нраву морозы,
Все, кому, как и мне, как и мне,
Рая хочется здесь, на земле,
В сих окрестностях, нынешним летом
И на свете, на этом, на этом.

"А он глядит в пространство..."

Б. Окуджава

А он глядит в пространство. А куда
Ему глядеть ещё? Ведь обитает
Любовь лишь там. Лишь там она не тает,
Лишь там, коль спросят: "Любишь?", - скажет: "Да!"
Лишь только там она всегда верна.
Кому? Чему? Пространству, ветру в поле.
Лишь там она не причиняет боли,
Тоски не знает, что, как ночь, черна.

Влетев в окно, сквозняк сказал,
Что вновь открыт концертный зал
И что туда весной и летом
Свободный вход. Не по билетам.
И поспешила я туда.
А там весенняя вода
В шальных лучах играет сольный
Концерт в тональности бемольной.
А там весёлый птичий хор,
Предпочитающий мажор,
В мелодию вступает бойко.
И только сойка, только сойка,
Что певчих данных лишена, -
Хотя в душе поёт она, -
Курлычет хрипло, бестолково.
Не дай мне, Господи, такого.

А кто-то всё несёт дозор,
Следя, чтоб не исчез зазор
Меж тем, что жду и что встречаю.
В зазоре том души не чаю:
Ведь если вьётся жизни нить,
То потому, что упразднить
Стремлюсь зазор меж "есть" и "нету".
И благодарна я просвету
Меж зримой явью и мечтой,
Меж тропкой этой и вон той.

Уж так случилось, так случилось,
Что время шло, а не влачилось,
Жизнь не влачилась, а неслась,
Пока я на лугу паслась,
Питаюсь чем-то терпким, сочным,
И всё казалось мне бессрочным
И не имеющим конца,
Летала вешняя пыльца,
Которая опять летает,
И вера прежняя не тает,
И в пятнах солнечных овраг
С концом не вяжется никак.

А лес, что затоплен весенней водой,
Наверное, помнит меня молодой.
Наверно, овраги его и тропинки
Способны меня описать без запинки,
Сказать, как могла забрести далеко
И как мне когда-то дышалось легко,
И как я легко и свободно ступала,
Как в беге ручьям его не уступала
И как, не без помощи вешней ольхи
Слагала свои молодые стихи,
Как в поисках рифмы, и ритма, и краски
Совсем не гнушалась я птичьей подсказки.

Памяти Э.В.Брагинской

Да что здесь может надоесть?
Всегда ведь что-нибудь да есть,
Чего доселе не бывало:
Я нынче чуть не прозевала
Неописуемый рассвет;
Из дома вышла - снега нет,
Зато проклюнулась травинка.
Что ни мгновенье, то новинка.
Вот птица странного пера,
Которой не было вчера,
К стволу намокшему приникла.
А те, кого я так привыкла
В любое время окликать,
Вдруг стихли, перестав мелькать.
Ведь вроде так на жизнь запали, -
На тень, на свет, - и вдруг пропали.

А скоро вишня вспенится...
Душа живёт - не ленится...
Запенится сирень.
И свет - куда он денется? -
Родит сквозную тень,
А тишина - кипение
Страстей, бурлящих в пении
Весенних певунов,
И не поймёшь, где бдение,
Где область сладких снов.

Зачем смотреть на вещи мрачно,
Коль намекнули нам прозрачно
Немеркнувшие небеса,
Что существуют чудеса?
И надо просто научиться,
Когда беда к нам постучится,
Напасти нас возьмут в кольцо,
Удачу узнавать в лицо, -
Спасение, удачу, чудо,
Что явится невесть откуда.

Живу под кровлей голубой,
Пытаюсь справиться с собой.
Трудней всего на свете белом
Дружить с душой своей и телом.
То там болит, то тут болит,
То аллергия, то колит,
То поясница заболела,
А то вообще тоска заела,
Любые праздники губя.
И нет спасенья от себя,
И не спасут Париж и Рома.
Спасёт одно: оставить дома
Себя. Оставить, запереть
И никуда с собою впредь
Себя не брать и жить без груза.
Но что на это скажет муза?
Коль нет ни тела, ни души,
То, с кем шептаться ей в тиши?

Не горячись, не полыхай.
Всё уже было. Отдыхай.
Не надо ни тоски, ни пыла.
И то и это тоже было.
И обмирали, вдаль летя,
На всё таращась, как дитя,
Смеялись, плакали. Короче,
Не утруждай себя. А впрочем,
Коль ты родился, то рискни.
А вдруг все эти ночи, дни,
Морока вся - в твоей тракторке
Преобразится, как в обновке.

Такая маленькая птица!
Ну что в ней может поместиться?
Что, кроме лёгонькой души,
Чьи песни дивно хороши?

Ах, был бы мир вот так же тесен,
Чтоб ничего, помимо песен,
Рождённых осиянным днём,
Во век не умещалось в нём.

Нас опять соловьи освистали,
Потому что мы краше не стали
И мудрее не стали, увы,
И заботы у нас не новы.
Хоть они на нас взгляд не изменят,
Но они нас, как публику, ценят.
Ведь мы так им умеем внимать,
Так восторженно их принимать!

Я не верну Творцу билет.
Да у меня его и нет.
Я знаю очень-очень мало
Про то, как я сюда попала.
И даже если сквозь года
Я еду зайцем - не беда.
Ведь это значит, - прямо ль, косо
Идёт дорога, - нет вопроса
Вернуть билет иль не вернуть.
Чуток посплю, и снова в путь.

Но, наверное, в том-то и соль,
Что младенец предчувствует боль
Ту, что он испытает на свете.
О, как в плаче заходятся дети,
Как кричат, появляясь на свет
В непостижном предчувствии бед.

Мой ангел - он всё непременно устроит.
Устроит, уладит. Ну что ему стоит?
И кто мне надежду на это внушил?
Уж точно не тот, кто когда-то здесь жил.
Ведь тот, кто здесь жил до последнего вздоха,
Он кончил, как все. То есть, грустно и плохо.
Но в голову мне почему-то взбрело,
Что ангел вот-вот мне протянет крыло
И грустных вещей ни за что не допустит,
Не бросит меня и крыло не опустит.

О как жизнью пропахла весна,
Свежим ветром, живительной влагой,
И стихи, вдруг расставшись с бумагой,
Той, что им и пресна, и тесна,
Устремились туда, где крыла,
Дымка вешняя и медуница.
И совсем загрустила б страница,
Если б тень туда не забрела,
Тень от крыльев, от влажной ольхи,
Заменяв хоть на время стихи.

Но если жизнь не навсегда,
То, может быть, и смерть на время,
И мир покинувшее племя
Опять воротится сюда.
Ведь если долго крест нести,
То появляется отдышка,
И смерть нужна, как передышка,
Чтоб как-то дух перевести.

Я с ног валюсь. Устала адски.
Но, Бог ты мой, какие цацки
Весна с собою принесла.
Все эти цацки без числа
Готова я делить по-братски
С любимым, кто топает со мной
Бок о бок по тропе земной:
Ему - все трели и форшлагги,
А мне - все влажные овраги,
Все медуницы до одной.

В такой богатый мир мой внутренний
Опять ворвался ветер утренний,
И луч, что душу осветил,
Мой мир ещё обогатил.
Живу я, внутренне богатая.
Одна печаль: земля покатая.
Кичусь богатством, не кичусь, -
Я всё равно с неё скачусь.
Ну разве что она спохватится
И за меня сама ухватится,
И станет всячески искать
Пути меня не отпускать.

Точка, точка, тире, точка, точка -
Родилась только первая строчка,
Но уже есть наметки второй -
Столь же трепетной, столь же сырой.
И пускай она будет сырая.
Жизнь её сочиняет, играя
Птичьим горлышком, птичьим пером,
Чтобы в воздухе вешнем, сыром
Возникали, как плод озаренья
Строки зыбкого стихотворенья.

Я не могу себе позволить
Писать печальные стихи.
Меня так просто обездолить
Из-за малейшей чепухи.
Любые беды, точно овод,
Меня способны искушать,
Вот и выискиваю повод
Стихи о радости писать.

Стихи - открытие моё,
Моё счастливое наитие,
Моё убежище, укрытие,
Моё надёжное жильё.
Хоть вы и мнитесь миражом,
Воздушным чем-то и нечаянным,
Без вас была б я неприкаянным
Бродяжкой, нищенкой, бомжом.

Пожары, взрывы там и тут,
А люди, знай себе, живут,
Весь мир - пороховая бочка,
А люди в нём живут и точка.
Живёт не этот, так другой,
Такой же, в общем, дорогой
И драгоценный, и родимый,
И крайне здесь необходимый,
Как, впрочем, все до одного,
Кто жил на свете до него.

III. Стихотворения 1970 года

* * *

Мне говорят и говорят,
А я, не вслушиваясь, вторю,
А я иду дорогой той,
Которая уводит к морю.
Оно качается вдали —
Я упаду в него с разбегу,
Всё то, что было до сих пор,
Земное всё, оставив берегу.
Тропа петляет без конца,
И я то в гору, то под гору —
То нету синей полосы,
То вновь она открылась взору.

* * *

Ну вот и мы умудрены,
И мы познали груз вины
И гнёт любви, и вкус страданья,
И горечь позднего свиданья,
И жизни праздной благодать,
И полный тягот год недужный,
И знаем, чего стоит ждать,
И знаем, чего ждать не нужно.
И, Боже, как прекрасно жить
Вот так, с открытыми глазами,
Умея пренебречь азами
И не боясь утратить нить.
Какой бывает тишина
И как она взрываться может,
Когда душа искушена,
Когда кусок немалый прожит,
Когда знакомо всё кругом —
Листа осеннего прожилки,
Пушок у сына на затылке
И лестница при входе в дом.
И я, распахивая дверь
И точно зная, что за нею
Ждала вчера и жду теперь,
В неё вхожу, благоговая.

* * *

Дети, дети, наши дети,
Руки — тоненькие плети,
Шейка — слабый стебелёк, —
Путь ваш длинен и далёк.
Убережь бы вас, да как,
От обид и передряг.
Лето, осень. День да ночь —
Улетите гордо прочь
В неизвестность, в темноту,
Напевая на лету.

* * *

Феликсу Розинеру

Как всё сложится, как обернётся,
Что совсем позади, что вернётся,
Что утратим и что обретём,
Нам страдать или сеять страданье,
Или просто во всём мирозданье
Оказаться ни с кем, ни при чём?
Разобраться отчаявшись в сущем,
Всё спешим очутиться в грядущем,
Слепо тыча случайным ключом.

* * *

Тоненькая женщина,
Жрица и пророчица, —
Ей любви нескованной
И свободы хочется
От канонов мрачного
Танца ритуального,
От всего усохшего,
От всего фатального.
И она по-своему,
Как умеет, борется —
То флиртует с ересью,
То усердно молится.
И в любви то хищница,
То голубка кроткая.
Вот она скользящею
Двигается походкою.
Вокруг ног колышется
Полотно воздушное...
Кто же тебя выдумал,
Дщерь великодушная?
Кто же тебя выдумал,
Мелкая и злобная?
Сколько жертв спровадила
Ты на место лобное...
Без тебя немислимы —
Чьё ты озарение? —
Ни любовь небесная,
Ни земное бдение.

* * *

Вот он, омут моей души.
Обмани меня, веры лиши,
Оттолкни меня, выдай, ограбь —
Только рябь на воде, только рябь.
Всё, что ценно мне, брось и рассыпь —
Только зыбь на воде, только зыбь.
Все деянья мои сокруши —
Только слабые всплески в тиши.
А войдёшь в эти воды — кричи,
Так ожгут ледяные ключи.

* * *

В пору долгих и тёмных ночей,
Когда нет ничего, никого, —
Мне бы лампу в пятнадцать свечей,
Чтобы видеть тебя одного.
И тогда всё опять на местах,
Всё имеет и смысл, и суть,
И ничтожны тревога и страх,
И надёжен к дальнейшему путь,
И не так уж черна темнота,
И, как божия птичка в раю,
Позабыв про труды и лета,
Безмятежные песни пою.

* * *

Наверно, прекрасно за тою горою,
Куда мы ещё не ходили с тобою,
Там вольная воля, покой и прохлада
Туда нам, наверно, давно уже надо.
Там множество чистых стремительных речек,
Там добрый бы нас приютил человек,
Там в праздник под звёздами крупными пляшут,
Там птицы крылами огромными машут.
Не знать нам, не ведать тоски и напасти,
Пока в те края убежать в нашей власти.

* * *

Всё серьёзно — каждый шаг, каждая улыбка,
Как в младенчестве гремим крашеною рыбкой,
Как ступаем по земле, как уходим в землю,
Как бушуем и клянём, как смолкаем, внемля.
Как прощаем, чем корим — всё весома, свято,
А не только миг, когда, на кресте распятый,
Застывает надо всем Мученик Великий
С выражением тоски на бескровном лице.
Был Он свят и был велик до распятия, прежде,
Когда хаживал с людьми в будничной одежде.
Не в Голгофе лишь одной пафос и мученье,
Есть обычной жизни ход и судьбы теченье.
И не просто распознать, что есть миг обычный,
Что есть самый главный миг, самый патетичный.

IV. Бедная, бедная рифма

Кто-то из моих интернет читателей оставил такой комментарий: "Автор рифмами не заморачивается". И, хоть я не большой любитель писать про то, как пишу, но мне захотелось на эту реплику ответить: заморачиваюсь, еще как заморачиваюсь!

Я до боли люблю точную рифму. Если считать слово стрелой, которая должна попасть в цель, то попадание ей может обеспечить только рифма. Рифма и есть тот самый наконечник, от которого зависит успех всего дела. Точная рифма - это острый наконечник. А вот какую рифму считать точной - это зависит от слуха и от множества других особенностей пишущего. Я, например, не только не чураюсь глагольных рифм, но даже люблю их. Они больше всех других способны служить острым наконечником стрелы и тем самым достигать цели. Они шаловливы, умны и обладают замечательным чувством юмора. Судите сами:

Это все до времени
До зари, до темени,
До зимы, до осени,
До небесной просини.
Вздумаешь надеяться -
А оно развеется.
Вздумаешь отчаяться -
А оно кончается.

Не обладаю нужной хваткой.
В жизнь, что бывает горькой, сладкой,
Не в силах так вцепиться я,
Чтоб знать: она навек моя.
За луч, что так горазд светиться,
Мне б мёртвой хваткой ухватиться,
А я даю ему лизнуть
Меня в лицо и улизнуть.

Можно я не буду шаркать ножкой, прижимать руки к груди и извиняться за самоцитирование? Да, в данном случае мне приходится этим заниматься, потому что я взялась говорить о СВОИХ рифмах.

О как я благодарна этим замечательным глаголам (надеяться-развеется, отчаяться-кончается, лизнуть-улизнуть). Ну что бы я без них делала? И как можно их не любить?

Или вот эти:

«Я потому лишь не сникаю, / Что я в лазурь перо макаю...».

Или эти:

«Как к этой жизни отношусь? / Да я никак не отдышусь...».

Или вот это: «И все -таки всегда возможность есть / Всю горечь жизни чем-нибудь заесть...».

Да кто вообще придумал, что глагольная рифма - это фи, и в приличных домах ей не место? Идите ко мне, бедняжки, я найду для вас местечко.

О, Господи, откуда что берётся?

Откуда свет, что непрерывно льётся?

Откуда воздух, что слегка дрожит?

Откуда время, что всегда бежит?

А, может, нету времени. Есть племя

Придумавшее скорость, сроки, время?

Рифмовать можно всё: и глаголы, и избитые слова (время-племя), и даже (страшно сказать) кровь-любовь. Все зависит от результата. Если вы попали словом туда, куда хотели, - ура! А не попали, - увы! Но виноваты не глагольные и не избитые рифмы, а вы сами. У вас стихи не получились. И нет никаких общих правил. Есть только удачи и неудачи. А неудачи бывают у всех. Даже у Пушкина. В его конечно же гениальных «стихах, сочиненных ночью во время бессонницы», две последние строчки мучают меня, как зубная боль: «Я понять тебя хочу / Смысла я в тебе ищу...». Будь эти "хочу-ищу" хоть где-то в середине стиха, они бы так не терзали слух, но в конце ...

Наверно, все-таки надо попросить прощения за то, что приплела сюда и Пушкина. Да еще не в качестве образца для подражания. Но вообще-то я могла

бы привлечь его к разговору в качестве союзника. У него-то тьма тьмущая глагольных рифм.

А рифма - это сладость, это кайф. С ней так весело жить, даже когда жить невесело и пишешь о невеселом. И как это мир обходится без рифмы? А ведь обходится. Рифму уже почти изгнали из мировой поэзии. Она осталась только в качестве lyrics (текста для песни) и в детских стихах. А жива она только у нас в России. Вот чем и впрямь стоит гордиться.

Я долго со строкой возилась,
Мечтая, чтоб она вонзилась
В чужие души и сердца
Посредством острого конца,
То бишь посредством рифмы точной,
Той, что на кончике проточной
Строки, нетерпеливо ждёт,
Когда ж она влетит, войдёт
В чужую плоть и душу ранит,
И в той душе навек застрянет.

Июнь 2017

Краткое содержание

- I. Несколько новых стихотворений: май-июнь 2017 г.
- II. Стихи января-апреля 2016 г.
- III. Стихотворения 1970 года.
- IV. Эссе «Бедная, бедная рифма».